

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

КЛАССИЧЕСКИЙ УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС, ПАВЛОВСКАЯ СЕССИЯ И ДРЕССИРОВКА

Оригинальные материалы расположены на авторском сайте:

<http://konura-x.narod.ru/nachalo.htm>

Spellcheck, оформление: ТаКир, 2008

Если вы также как и я интересуетесь теорией дрессировки, то рано или поздно спросите себя: Почему до сих пор большинство книг посвященных дрессировке в качестве теоретической основы рассматривают только классический условный рефлекс И.П. Павлова? Потому, что ничего другого не существует? Потому, что в научении и поведении он преобладает? Потому, что все исчерпывается классическим условным рефлексом? Или все сводится к нему? Или потому, что мы знаем не все о научении? Или не хотим знать? Почему авторы книг по дрессировке не замечали признаваемых мировой наукой работ Э. Торндайка, Б. Скинера, Д. Уотсона, В. Келера, В. Дурова, К. Лоренца, Н. Тинбергена? Почему они не читали книг К.Э. Фабри, Р. Шовена, Р. Хайнда, Д. Мак-Фарленда, В.М. Боровского, Д. Дьюсбери, О. Менинга?

Мы странная страна. Мы почему-то считаем, что если раз, то навсегда. Но как говорит известный английский ученый С. Роуз: «Может показаться странным, что знание об окружающем мире устаревает. Но это случается...»

Благодаря художественной литературе многие знают, что с 31 июля по 7 августа 1948 года проходила печально известная сессия ВАСХНИЛ, на которой победил Т.Д. Лысенко и «мичуринское направление» в биологии. Это не было началом геноцида талантливых генетиков и биологов нашей страны, он начался гораздо раньше, сессия подтвердила участие правительства в этом акте. И конечно И.В. Мичурин никакого отношения не имел к расстрелу науки, к этому времени он был давно мертв, как и не имел отношения И.П. Павлов к «павловской сессии», которая сделала его учение единственно правильным и верным для Советского Союза. Но об этом чуть позже, а в 1948 году мы хотели отменить генетическую наследуемость и заменить ее цитоплазматической. Как-то не получилось. Но страна была отброшена назад в своем развитии лет на сорок, если не больше.

На «павловской сессии» мы хотели отменить психологию и зоопсихологию, то же как-то к счастью не получилось, но аукается до сих пор...

О «павловской сессии» мало кому известно. Впервые я наткнулся на упоминание о ней, листая старую ветеринарную энциклопедию. И вот, что в ней было напечатано: «Павловская сессия – сессия АН СССР и АМН СССР (28 июня – 4 июля 1950 г.), посвященная проблемам физиологического учения акад. Павлова И. П., выдающееся событие в научной жизни нашей страны... С одной стороны, П. с. показала, что многие ученые нашей страны (акад. Быков К. М., проф. Иванов-

Гриценко В.В.

**КЛАССИЧЕСКИЙ
УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС,
ПАВЛОВСКАЯ СЕССИЯ
И ДРЕССИРОВКА**

Оригинальные материалы
расположены на авторском сайте:

[http://konura-
x.narod.ru/nachalo.htm](http://konura-x.narod.ru/nachalo.htm)

Spellcheck, оформление: ТаКир,
2008

Если вы также как и я интересуетесь теорией дрессировки, то рано или поздно спросите себя: Почему до сих пор большинство книг посвященных дрессировке в качестве теоретической основы рассматривают только классический условный рефлекс И.П. Павлова? Потому, что ничего другого не существует? Потому, что в научении и поведении он преобладает? Потому, что все исчерпывается

классическим условным рефлексом? Или все сводится к нему? Или потому, что мы знаем не все о научении? Или не хотим знать? Почему авторы книг по дрессировке не замечали признаваемых мировой наукой работ Э. Торндайка, Б. Скинера, Д. Уотсона, В. Келера, В. Дурова, К. Лоренца, Н. Тинбергена? Почему они не читали книг К.Э. Фабри, Р. Шовена, Р. Хайнда, Д. Мак-Фарленда, В.М. Боровского, Д. Дьюсбери, О. Менинга?

Мы странная страна. Мы почему-то считаем, что если раз, то навсегда. Но как говорит известный английский ученый С. Роуз: «Может

показаться странным, что знание об окружающем мире устаревает. Но это случается...»

Благодаря художественной литературе многие знают, что с 31 июля по 7 августа 1948 года проходила печально известная сессия ВАСХНИЛ, на которой победил Т.Д. Лысенко и «мичуринское направление» в биологии. Это не было началом геноцида талантливых генетиков и биологов нашей страны, он начался гораздо раньше, сессия подтвердила участие правительства в этом акте. И конечно И.В. Мичурин никакого отношения не имел к расстрелу науки, к этому времени он

был давно мертв, как и не имел отношения И.П. Павлов к «павловской сессии», которая сделала его учение единственно правильным и верным для Советского Союза. Но об этом чуть позже, а в 1948 году мы хотели отменить генетическую наследуемость и заменить ее цитоплазматической. Как-то не получилось. Но страна была отброшена назад в своем развитии лет на сорок, если не больше.

На «павловской сессии» мы хотели отменить психологию и зоопсихологию, то же как-то к

счастью не получилось, но аукается до сих пор...

О «павловской сессии» мало кому известно. Впервые я наткнулся на упоминание о ней, листая старую ветеринарную энциклопедию. И вот, что в ней было напечатано: «Павловская сессия – сессия АН СССР и АМН СССР (28 июня – 4 июля 1950 г.), посвященная проблемам физиологического учения акад. Павлова И. П., выдающееся событие в научной жизни нашей страны... С одной стороны, П. с. показала, что многие ученые нашей страны (акад. Быков К. М., проф. Иванов-Смоленский А. Г., Асратян Э.

А. и др.) успешно и плодотворно развивают учение Павлова. С др. стороны сессия вскрыла ошибочные позиции нек-рых наших ученых по ряду основных вопросов физиологии и наметила конкретные пути к исправлению этих ошибок... с тем чтобы не допустить в нашей стране реакционные метафические и идеалистические «теории» и направления в научных исследованиях...» (Б. Ветеринарная Энциклопедия, М., 1951).

Затем нашел о Сессии целую главу в книге Ю.Я. Грицмана «Медицинские мифы XX века» (М., Знание, 1993) и несколько раз

перечитал в 2-х томнике А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского Главу 5 – «Российская психология в советский период» (Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т.1. Ростов-на-Дону, Феникс, 1996).

А потом мне повезло, – я стал обладателем толстенного стенографического отчета в 734 страницы: «Научная сессия посвященная проблемам физиологического учения академика И.П. Павлова 28 июня – 4 июля 1950 г. Стенографический отчет» – Издательства Академии наук СССР, М., 1950». Тираж отчета 15000 экз.!

И вот что было 51 год назад.

Хоронить психологию и зоопсихологию собралось довольно много народа – всего записалось выступить 209 ораторов. Однако в дискуссии выступили 81 оратор, остальные подали доклады в письменном виде. Если верить данным Оргкомитета Сессии, он получил свыше 2 тыс. заявок от «разных научных учреждений и организаций с просьбой разрешить им командировать своих представителей на сессию». Однако «в виду сугубо делового характера сессии президиумы обеих академий определили состав участников

сессии в 480 человек и разрешили кроме того выдать дополнительно 920 гостевых билетов».

Как и полагалось в то время, сессия приняла письменное обращение к И.В. Сталину, которое заканчивалось словами: «Да здравствует наш любимый учитель и вождь, слава всего трудящегося человечества, гордость и знамя передовой науки – великий Сталин!»

Открыл сессию вступительным словом тогдашний президент Академии Наук СССР академик С.И. Вавилов. Он вкратце охарактеризовал значение работ И.П. Павлова, и

посетовал на то, что ученики Павлова не хотят идти по проложенной великим ученым магистральной дороге, а все норовят по «своим собственным окольным», понимаешь ли, путям. Кстати, брат убитого Сталиным генетика Н.И. Вавилова, тем не менее, закончил свое вступление такими словами: «Да здравствует вождь народов, великий ученый и наш учитель во всех важнейших начинаниях, товарищ Сталин!»

Следует оговориться, что к началу «павловской» сессии сам И.П. Павлов был мертв уже как 14 лет. И если бы он был жив, вряд ли

состоялось ЭТО. Доказательством тому служит тот факт, что живой И.П. Павлов не закрыл ни одного научного направления в СССР. При его жизни жили и работали Н.А. Бернштейн, И.С. Бериташвили, существовала зоопсихологическая лаборатория В.Л. Дурова. Со своими оппонентами-современниками, И.П. Павлов боролся как ученый – фактами. И только бесталанные его «ученики» и «последователи» воспользовались помощью «вождя народов» и «великого ученого».

Но вернемся к Сессии. Кстати, она была только вершиной айсберга,

она была итогом довольно давно начатой перестройки психологии.

До Октябрьской революции отечественная психология и науки, шедшие в ее кильватере могли быть охарактеризованы как часть мировой науки и принципиально не отличались от своих зарубежных аналогов. Однако возведение марксизма и диалектического материализма в ранг государственного мировоззрения резко изменило направление нормального развития многих наук. И на самом деле: «Впервые в истории психологии марксизм приобрел силу официальной и

обязательной для нее доктрины, отказ от которой становился равносильным оппозиции государственной власти и тем самым караемой ереси» (Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т.1. Ростов-на-Дону, Феникс, 1996).

Апеллируя к детерминизму психических явлений, который часто редуцировался до механицизма, диалектический материализм в качестве своей естественнонаучной основы воспользовался наиболее близкой ему по духу «рефлексологией». Рефлексологией в то время называли совокупность

научных направлений очень успешно разрабатываемых И.П. Павловым, В.М. Бехтеревым и А.А. Ухтомским – «Казалось, именно учение о рефлексах проливает свет на истинную природу человека, позволяя объяснять и предсказывать его поведение в реальном, земном мире, без обращения к смутным, не прошедшим экспериментального контроля воззрениям на бестелесную душу» (Петровский А. В., Ярошевский М.Г. История и теория психологии. Т.1. Ростов-на-Дону, Феникс, 1996). И на пути создания «единственно верной» марксистской психологии как «объективной науки»

классическая психология активно редуцировалась под слишком насильственным влиянием биологии, физиологии и эволюционной теории.

Складывалась довольно простая и убийственно эффективная схема устранения наук и людей: если вы не пляшете от рефлексологии, значит вы не марксист, а если вы не марксист, значит вы «продажная девка империализма» сиречь враг советскому государству.

По мнению Петровского А. В. и Ярошевского М. Г. борьба за марксистскую психологию имела две волны репрессий. Первая волна

репрессий ударила по психологии на рубеже 20-х – 30-х годов и сопровождалась физическим уничтожением многих ученых в середине 30-х годов, имела своим апофеозом объявление педологии реакционной лженаукой, а психотехники – «так называемой наукой». Была проведена жестокая чистка рядов психологов. Укоренилось подозрительное отношение к педагогической и детской психологии как отрасли науки и практики, «возрождающей педологию».

Вторая волна репрессирования психологии проходила под знаменем

борьбы с «безродным космополитизмом» и охватывает период конца 40-х до начала 50-х годов. Она сопровождалась попытками вытеснения психологии и замены ее в научных и образовательных учреждениях физиологией высшей нервной деятельности (ВНД).

Следует также подчеркнуть, что Павловская сессия была одной из многих акций большой компании перестройки наук, начатой с 30-х годов и закончившейся со смертью Сталина. Запрещались науки, перекраивались история, языкознание, литературоведение,

политэкономия, философия, биология, физика и химия. Просто пришла пора закончить с разногласием в психологии и медицине...

Основную задачу Сессии поставил академик К.М. Быков в своем докладе «Развитие идей И.П. Павлова (задачи и перспективы)»: «Отсюда задача – добиться во всех областях теории и практики коренного изменения отношения к павловскому учению с полным признанием классических открытий И.П. Павлова, как имеющих принципиальное и всеобщее значение для всех областей

физиологии и медицины. Исследования по разработке учения Павлова следует вести в строгом соответствии с теми проблемами, которые ставил сам Павлов, или вытекающими из существа его учения».

Почему нужно было этого добиваться? Да потому, что оказывается учение о Высшей Нервной Деятельности (ВНД) с ее ортодоксальным классическим условным рефлексом не было востребовано! Например, в психиатрии: «Нельзя без горечи вспомнить, что в течение длительного времени и еще совсем

недавно все попытки приложения павловского учения к задачам психиатрии неизменно встречались «в штыки», пренебрежительно именовались «словесной шелухой» и рассматривались как «огромная механистическая опасность» для советской психиатрии» (А.Г. Иванов-Смоленский).

Или терапии: «...по словам проф. Мясникова, «обширная группа заболеваний кишечника, так же как и желчевыделительной системы почти не трактуется с павловских позиций». И таким образом, «перед терапевтической клиникой стоит важная задача — восполнить этот

пробел и пересмотреть частную патологию и терапию болезней пищеварения на основе идей Павлова» (А.Г. Иванов-Смоленский).

А что касается кровообращения, то вообще «Учение И.П. Павлова о нервной регуляции в сердечно-сосудистой системе не разрабатывалось так широко и систематически, как это происходило по вопросам пищеварения и изучения высшей нервной деятельности. Изучение шло в отдельных лабораториях и очень часто не встречало большой заинтересованности в широких кругах физиологов, о чем можно

было судить по докладам на съездах физиологов и при выступлениях в научных обществах» (А.И. Смирнов).

Вузовские учебные программы почти игнорировали ВНД: «Прежде всего во всех программах по курсу физиологии бросается в глаза старый принцип — эклектическая характеристика основных фактов, законов, систем, функций организма. Программы сугубо объективистски излагают все гипотезы, все теории. По одному этому видно, что программы порочны. Однако именно такое существо программ отражает игнорирование классических открытий И.П. Павлова, имеющих

принципиальное новое и всеобщее отношение для всех областей физиологической науки... Перестройка чтения курсов физиологии, а следовательно, и программ не может быть отделена ни от учебников, ни от того обстоятельства, что учения Сеченова, Павлова, Введенского еще не стали господствующими в институтах, кафедрах, лабораториях физиологических и медицинских наук... Кроме того, в учебном плане вузов до сих пор отсутствует общефакультетская, обязательная дисциплина: «физиология высшей нервной деятельности». Эту

дисциплину необходимо ввести на последнем курсе и для усвоения истинных знаний и для того, чтобы биолог-врач, учитель, выходя из вуза, получил еще один материалистический запал в своей практической деятельности... В полном соответствии с содержанием и установкой учебных программ находится список рекомендуемой литературы, учебников и учебных пособий. В учебных программах не рекомендуются совершенно Сеченов, Павлов и Введенский... Мы должны со всей откровенностью заметить, что идеи Павлова и павловская физиология не только не

господствуют в вузах, но принижены, а подчас и отсутствуют» (Э.Ш. Айрапетянц). Во как! Тут уместно напомнить известный анекдот о неуловимом Джо, неуловимость которого заключалась в том, что он был никому не нужен.

«Даже в учебниках мичуринской биологии совершенно не отражается учение И.П. Павлова; если же авторы и приводят это учение, то в качестве чисто механического вкрапливания, вовсе не объединяя его с основными материалами по биологии животных» (А.Д. Слоним).

«Частично такой грех имеется и у многих других физиологов о чем можно судить по учебникам, особенно по упомянутым нами «Основам физиологии человека и животных» А.Г. Гинецинского и А.В. Лебединского. Странное положение: советский учебник и даже руководство для аспирантов, врачей докторантов, написанное на русском языке, — без основ павловской физиологии! Здесь обойдены работы советских физиологов, а учения Павлова и Введенского представлены как второстепенные достижения в науке по сравнению с исследованиями старых западных

физиологов. Это замечание в какой-то мере относится и к другим учебникам последних 10–15 лет...» (К.М. Быков)

И что удивительно: «Тщетно ... искать имя Павлова в гигиенических учебниках для студентов и в руководствах для врачей. В наиболее распространенных среди студентов учебных пособиях по гигиене С.В. Моисеева и А.Н. Сысина о Павлове, о его значении для гигиены, о его взглядах на проблему взаимоотношений организма и среды, о его учении об условных рефлексах применительно к требованиям гигиенической науки

ничего нет... Отсюда следует сделать только один вывод – учебники для студентов и руководства по гигиене для врачей должны быть написаны заново на основе павловского учения, в духе идей И.П. Павлова» (Ф.Г. Кротков).

И ученые не хотят оказывается заниматься этим делом, оказывается что «Такие учреждения, как Физиологический институт им. Павлова Академии Наук, Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. Павлова, Московский институт физиологии, большинство лабораторий Института

экспериментальной медицины Академии медицинских наук и большинство кафедр высших учебных заведений, не подчинили всю тематику своих учреждений разработке проблем, поставленных Павловым» (К.М. Быков). Приходится даже признать, что «... существенным недостатком нашей работы по развитию научного наследия Павлова, в частности, его учения о высшей нервной деятельности, является и то обстоятельство, что широкие круги физиологов страны, в частности, громадная армия наших молодых ученых, работающих в других

научно-исследовательских учреждениях и на кафедрах физиологии высших учебных заведений, стоят как-то в стороне от этого дела. Характерно, что вне Ленинграда над развитием учения Павлова о высшей нервной деятельности во всей нашей громадной стране, в том числе и в столице страны — в Москве, работают всего лишь несколько крохотных лабораторий» (Э.А. Асратян).

И с психологией не все нормально — сопротивляется до сих пор продажная девка, не хочет ложиться под физиологию:

«Принимая во внимание задачи сессии, сформулированные С.И. Вавиловым, я должен прежде всего полным голосом заявить о том, что задача органического освоения учения Павлова, задача построения такой системы психологии, естественнонаучную основу которой не декларативно, а по существу составляло бы павловское учение, советскими психологами еще не решена. С этой точки зрения нужно признать неудовлетворительными все существующие у нас учебники и руководства по психологии («Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна, коллективное учебное

пособие по психологии для педвузов, учебник для средней школы, мной написанный, и другие пособия).

В отношении книги С.Л. Рубинштейна достаточно сказать, что по точному подсчету общий объем всех кусков текста, в какой-либо мере затрагивающих вопросы, связанные с учением Павлова, составляет 5 страниц на 685 страниц!... в двух учебниках проф. К.Н. Корнилова, вышедших в 1946 г. (для средней школы и для педагогических училищ), Павлов и его учение упоминаются лишь в параграфе о темпераменте. Параграфы о физиологических основах ощущений,

внимания, памяти и т.п. излагаются с точки зрения допавловской физиологии. Например, в «Очерках педагогической психологии» проф. Н.Д. Левитова (1948), допущенных в качестве учебного пособия в системе Министерства трудовых резервов, даже имя Павлова ни разу не упомянуто.

Но все-таки самое существенное не то, что одни авторы больше, другие меньше ссылаются на результаты исследований Павлова. Самое существенное то, что система нашей психологии еще такова, что она органически не опирается на учение Павлова, что можно написать

учебник психологии, даже не упомянув ни одного понятия из учения о высшей нервной деятельности и не вызвать ни удивления, ни протестов со стороны психологической общественности... в специальных научных трудах по психологии, вышедших у нас за последние годы, нельзя найти достаточно последовательной и развернутой работы по перестройке психологии на основе учения Павлова» (Б.М. Теплов).

Надо сказать, что Б.М. Теплов пытался сохранить психологию, пусть даже такой ценой. Но оказалось и этого мало. Так,

например, ленинградский психофизиолог М.М. Кольцова заняла позицию более отвечающую санкционированным свыше указаниям: «В своем выступлении на этой сессии профессор Теплов сказал, что, не принимая учения Павлова, психологи рискуют лишиться свою науку материалистического характера. Но имела ли она вообще такой характер? С нашей точки зрения, данные учения о высшей нервной деятельности игнорируются психологией не потому, что это учение является недостаточным, узким по сравнению с областью психологии и может объяснить лишь

частные, наиболее элементарные вопросы психологии. Нет, это происходит потому, что физиология стоит на позициях диалектического материализма; психология же, несмотря на формальное признание этой позиции, по сути дела, отрывает психику от ее физиологического базиса и, следовательно, не может руководствоваться принципом «материалистического монизма». Что означало в те времена отлучение науки от диалектического материализма? Тогда было всем ясно, какие могли быть после этого сделаны далеко идущие «оргвыводы». Впрочем, и сама Кольцова

предложила сделать первый шаг в этом направлении. Она, заключая свое выступление, сказала: «... надо требовать с трибуны этой сессии, чтобы каждый работник народного просвещения был знаком с основами учения о высшей нервной деятельности, для чего надо ввести соответствующий курс в педагогических институтах и техникумах наряду, а может быть вместо курса психологии».

И этого почти не произошло. Я сошлюсь на устный рассказ академика АПН СССР ТА. Власовой, работавшей а начале пятидесятых годов в Отделе науки ЦК партии,

которым в то время заведовал ЮА. Жданов, приведенный в своей книге А.В. Петровским и М.Г. Ярошевским. Она говорила, что после «павловской» сессии уже был подготовлен проект документа, который должен был стать основой для постановления, аналогичного принятому в 1936 году по поводу педологии. В частности, в нем содержалось предложение «закрыть» психологию, заменив ее повсюду физиологией высшей нервной деятельности. Документ был представлен на утверждение Сталину. Получив и. просмотрев проект, он сказал: «Нет, психология —

это психология, а физиология – это физиология». На этом «научные» проблемы были решены и к ним больше не возвращались.

Ну а зоопсихологию вообще за науку не считали: «Еще один маленький вопрос – относительно зоопсихологии. И.П. Павлов страстно боролся против этой науки, а эта, с позволения сказать, наука, называемая в наше время сравнительной психологией, эволюционной психологией и т.д., существует и преподается в вузах, внося путаницу в головы молодежи. В этих эклектических учениях вначале говорится об учении

Павлова, а затем излагаются без имен взгляды Келлера, Клапареда и тому подобных врагов истинного объективного учения Павлова о поведении животных» (Л.Г. Воронин).

Что верно, то верно. Не любил И.П. Павлов зоопсихологии и это видно из воспоминаний А.Л. Чижевского (А.Л. Чижевский – 1897–1964, основатель гелиобиологии, работал в Лаборатории зоопсихологии В.Л. Дурова, а с 1925 по 1931 гг. был ее директором).

«О посещении И.П. Павлова в 1926 году. ...Мы поздоровались... Я

почувствовал его пожатие. Я подал ему письма от профессора А.В. Леонтовича. (Леонтович А. В. – академик АН УССР, профессор физиологии Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, также работал в Лаборатории зоопсихологии В.Л. Дурова).

– Садитесь, – сказал он мне и указал на стул сбоку. Я поблагодарил и сел. Павлов стал читать письмо.

Иван Петрович снял очки, положил их на стол и минуту думал...

– Рад был получить письмо от Александра Васильевича. Человек он милейший и талантливый. Да вот о себе он ничего не пишет. Как он жив – здоров?

– Да здоров, много работает... – ответил я.

– Рад за него, очень рад. Когда вернетесь в Москву – передайте от меня поклон и скажите ему, что Павлов не разделяет его работы у Дурова. Никакой зоопсихологии не существует. Это все выдумки, это – несерьезно. До меня Сеченов, а теперь я более четверти века борюсь за истинную физиологию, без всякой

психологии, а Леонтович, человек большого исследовательского дара, работает у Дурова по зоопсихологии. Обидел меня Александр Васильевич, весьма обидел. Так ему и скажите» (Чижевский А.Л. Заметки. Наброски. Воспоминания. Л., 1996).

Надо сказать, что зоопсихология платила И.П. Павлову тем же: «Принцип «условного рефлекса» оказался чрезвычайно плодотворным и дал очень много ценного для физиологии; в особенности метод условных рефлексов полезен, как мы говорили, для изучения рецепторной деятельности. Учение об условных рефлексах — материалистическое

учение и прекрасное оружие для борьбы с идеализмом. Однако в пылу увлечения этим высокополезным принципом были наделаны серьезные ошибки. Условными рефlekсами стали объяснять все на свете, «сводить», как говорится, сложное поведение животного к одним условным рефlekсам. Дело зашло до попыток вывести принципы воспитания ребенка из фактов, добытых при изучении слюнной железы собаки; Это такая же негодная попытка, как сведение физиологии к химии, химии — к механике атомов и т.д. Мы пережили эпоху, когда физиолог, назвав какой-

нибудь сложный акт поведения животного условным рефлексом, думал, что тем самым дал окончательное решение проблемы. В основном эти механистические тенденции теперь уже разоблачены. Упрощенчество всегда является несомненным тормозом для науки и мы обязаны с ним бороться» Боровский В.М. Психическая деятельность животных. Государственное издательство биологической и медицинской литературы. М. – Л., 1936).

За такое отношение к И.П. Павлову «зоопсихология в 40–60 гг. в Советском Союзе была объявлена,

наряду с генетикой и кибернетикой, «лженаукой», и в целом разделила с ними их печальный путь» (Н.Н. Мешкова, Е.Ю. Федорович в книге «Основы зоопсихологии» К.Э. Фабри. М., 2001). Однако не умерла. Ушли в «научное подполье», но продолжали работать Н.Н. Ладыгина-Котс, Н.Ю. Войтонис, Н.Ф. Левыкина, Н.А. Тих, Г.З. Рогинский, С.Л. Новоселова, К.Э. Фабри.

А в 1953 году Н.Н. Ладыгина-Котс была удостоена звания заслуженного деятеля науки РСФСР и ей был вручен орден Ленина. В 1959 году выходит в свет книга Я. Дембовского «Психология

животных», а в 1976 году «Основы зоопсихологии» К.Э. Фабри. Но и это еще не все, в 1989 году напишут: «Выдающиеся психологи всегда понимали, что без зоопсихологии вообще невозможна психология как наука, во всяком случае если речь идет о марксистской психологии, строящей научный поиск на базе диалектико-материалистической методологии, исходя из понимания того, что психика человека не может быть научно достоверно познана вне изучения процесса ее развития» (Тенденции развития психологической науки. Под ред. Л.И. Анцыферовой, Б.Ф. Ломова. М.,

1989. Цитируется по К.Э. Фабри. Основы зоопсихологии. М., 2001).

Классический условный рефлекс
значительное открытие! Этого никто
не отрицает. Но: «Мы можем
выделить три категории научения,
различающиеся по степени участия в
них организма как целого. Речь идет
соответственно о выработке 1)
реактивного поведения, 2)
оперантного поведения и 3) такого
поведения, которое требует участия
мыслительных процессов в
обработке информации (когнитивное
научение).

Когда создаются новые формы реактивного поведения, организм пассивно реагирует на какие-то внешние факторы и в нервной системе как бы незаметно и более или менее произвольно возникают изменения нейронных цепей и формируются новые следы памяти. К таким типам научения относятся следующие (перечислены в порядке усложнения): привыкание (габитуация) и сенсibilизация, импринтинг и условные рефлексy.

Оперантное поведение — это действия, для выработки которых нужно, чтобы организм активно «экспериментировал» с окружающей

средой и таким образом устанавливал связи между различными ситуациями...

К третьей группе относятся формы поведения, обусловленные когнитивным научением» (Ж. Годфруа. Что такое психология. Т. 1. М., Мир, 1992).

И: «Такие формы условных рефлексов получили наименование классических. Благодаря этим условным рефлексам обеспечивается первичная ориентация животного по признакам окружающей среды еще с самого начала любого поведенческого акта. С помощью

классических условных рефлексов животное адаптируется к внешней среде. Принимая во внимание модулирующее значение физиологических потребностей, в этих случаях животное все же выступает в качестве достаточно пассивного участника событий, не имеющее возможность кардинально изменить их последовательность. Деятельное же, активное начало сведено к достаточно простым безусловнорефлекторным актам» (А.С. Батуев. Высшая нервная деятельность. М., Высшая школа, 1991).

Это я к тому, что и до «павловской сессии» и сейчас многие понимали, а сейчас тем более принимают, что классический условный рефлекс довольно примитивная форма приобретения опыта и не может исчерпать всей проблемы поведения и научения.

Но вернемся к Сессии и я позволю себе напомнить вторую часть поставленной академиком К.М. Быковым задачи: «Исследования по разработке учения Павлова следует вести в строгом соответствии с теми проблемами, которые ставил сам Павлов, или вытекающими из существа его

учения», подтвержденной А.Г. Ивановым-Смоленским: «Перед учениками и продолжателями дела И. Павлова стоит задача неотступного развития научных идей своего великого учителя, неуклонного проведения основных положений его учения и, прежде всего, правильного и точного понимания этих положений».

Вот так вот и не иначе! Шаг вправо, шаг влево ... и ты предаешься анафеме!

Гораздо позже напишут о безудержной догматизации, оголтелом абсолютизме, извращении

и упрощении учения И.П. Павлова: «...Однако к середине XX в. в СССР имели место чрезвычайно широкая трактовка идей П. и попытки их насильственного внедрения в психологию и педагогику, проявлявшиеся не только в научных дискуссиях (по проблемам соотношения психологии и физиологии ВНД, определения предмета психологии, природы психического и пр.), но в свертывании исследований по многим чисто психологическим направлениям. В 1950 г. по указанию Сталина была проведена объединенная сессия АН и АМН

СССР (т. н. «Павловская»), которая санкционировала безудержную догматизацию и абсолютизацию учения П.,...» (Психологический словарь. Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. М., Педагогика-Пресс, 1996, 2001).

«...по указке Сталина в 1950 году на сессии АН и АМН СССР было догматизировано-ратифицировано-абсолютизировано учение П., что привело к невообразимым научным амфиболиям-негативизмам, когда некот. рьяные павловские адепты требовали реконструировать всю псих. как науку, согласно павловским

аксиомам-постулатам...» (В.В. Юрчук. Современный словарь по психологии. Минск, Эйлада, 2000)

«После смерти И.П. Павлова в 1936 году павловская школа стала приобретать в СССР черты монополии, а в 50-е годы стала господствовать в отечественной физиологии. Подобное доминирование в тот период автоматически означало осуждение (а зачастую и подавление) иных точек зрения и других научных направлений...

... господство этого учения на долгие годы (до начала 70-х годов)

отодвинуло на задний план практически любые другие подходы к изучению поведения...

...Как известно, в силу особенностей внутриполитической обстановки в СССР сторонники идей Павлова вскоре после его смерти монополизировали эту область науки, подвергнув жесткой критике практически все другие концепции и направления физиологии, причем эта критика базировалась не на научных, а на идеологических позициях. Западные научные течения (в том числе этология, зоопсихология, бихевиоризм и гештальт-психология) также подвергались ожесточенной

критике, а результаты их исследований по этой причине почти не доходили до научной общественности.

Подобные тенденции стали господствующими после так называемой «Павловской сессии» АН СССР в 1950 г. На этой сессии была сделана попытка официально утвердить право на существование в физиологии лишь одного исследовательского направления — созданной академиком К.М. Быковым теории «кортико-висцеральной патологии». По словам В.В. Парина, последователи этой теории отвергали как «порочные»

все реально существующие факты, которые не укладывались в рамки концепции. Вплоть до середины 60-х годов практически каждое научное сообщение — статья или доклад — в обязательном порядке должны были упоминать о «единственно верном научном направлении материалистической науки» в области физиологии — павловском учении.

Эта подгонка «под Павлова» или «под Быкова» превращала учение Павлова об условных рефлексах из научного направления в набор догм, следовать которым надлежало не только в области высшей нервной

деятельности, но и в общей физиологии, медицине и психологии» (Зорина З.А., Полетаева И.И., Резникова Ж.И. Основы этологии и генетики поведения. М., МГУ, 1999).

Но это будет потом. А тогда на Сессии «истинных павловцев» нашлось пятеро и «страна должна знать своих героев»: К.М. Быков, А.Г. Иванов-Смоленский, Э.Ш. Айрапетян, И.П. Разенков, Э.А. Асратян и примкнувший к ним А.Д. Сперанский. Им было дано право исключительного знания о том, как должна развиваться наука, как нужно понимать И.П. Павлова и как нужно

развивать его учение. За «врагами великого учения» далеко ходить не надо было, поелику их водилось множество. Назовем только тех, которым больше воздали Л.А. Орбели, И.С. Бериташвили, П.К. Анохин, П.С. Купалов, Л.С. Штерн и Н.А. Бернштейн.

Л.С. Штерн (Штерн Л. С. (1878–1968) – физиолог и биохимик. Академик с 1939 по 1949 (исключена) и с 1 сентября 1953 (восстановлена). Первая женщина – действительный член АН СССР.) создала учение о гематоэнцефалическом барьере и изучала гуморальную регуляцию

функций организма, а поскольку И.П. Павлов этого не изучал, то «... Характерно и то, что во всех своих многочисленных выступлениях Штерн не пыталась встать на путь павловского детерминизма, и, наоборот, принципиально не отходила от позиций изучения условий и факторов проявления изучаемых ею явлений, т.е. оставалась на почве ферворновского кондиционализма.

В полном соответствии с этим Штерн, устанавливая «закономерности» функций так называемого гемато-энцефалического барьера, затем

пришла к выводу, что они являются всеобщими для любых систем и органов в организме.

... в полном противоречии с павловским учением Штерн развивала взгляд на равноценность механизмов регуляций или утверждала даже первенствующую роль химических факторов, или гемато-энцефалического барьера.

...Исходя из ложных методологических установок, Штерн и ее последователи в оценке самой регулирующей функции барьера заняли идеалистическую позицию. Это проявлялось в телеологической

трактовке функций барьера, который, по мнению авторов, производит отбор веществ, содержащихся в крови.

...Отрицая боткинско-павловский нервизм, Штерн и ее последователи игнорировали или замалчивали работы Павлова и его школы, уже давно ставшие классическими (теория сна, неврозов и др.).

Так, Штерн указывает: «Возможность вызвать сон непосредственным воздействием на определенные участки коры головного мозга, путем применения

методов условных рефлексов, как в опытах И.П. Павлова, далеко еще не является доказательством того, что и нормальный сон вызывается таким же раздражением, возбуждением и реактивным раздражением того или другого участка коры головного мозга.

... Таким образом, и в том и в другом случае причиной сна скорее является отсутствие возбуждения, чем активное торможение».

В другом случае, говоря о павловском учении относительно физиологической природы сна, Штерн развязно заявляла: «К

сожалению, экспериментальная проверка этой теории невозможна».

...Не чем иным, как попыткой опорочить и игнорировать гениальный павловский метод хронических наблюдений, создавший эпоху в физиологии и экспериментальной биологии, следует назвать заявление Штерн о том, что «во всех физиологических экспериментах мы фактически нарушаем физиологию, создаем патологию».

Не она ли на одном из совещаний заявила, что павловское учение себя исчерпало? Не она ли

рекомендовала подтянуть его к «высотам» зарубежной физиологии? Не чем иным, как идеологической диверсией, этого назвать нельзя.

Оценивая все изложенное выше, мы должны признать, что Штерн, находясь в плену механистической, идеалистической буржуазной методологии Ферворна – Вирхова, не смогла научно, прогрессивно исследовать выдвигаемые ею проблемы. Лишенные правильной методологической основы, ее попытки исследований приводили к антинаучным реакционным выводам.

...На деле же оказалось ясным, что Штерн, являясь лжеученой, лишь засоряла в течение ряда лет советскую науку своими назойливо многочисленными выступлениями и высказываниями.

Оголтелый космополитизм, политическая беспринципность и низкопоклонство перед зарубежными лжеавторитетами, насаждаемые Штерн, способствовали тому, что Штерн и ее последователи полностью игнорировали критику их ошибок со стороны советской научной общественности и не сумели найти

правильного пути для преодоления их» (Д.А. Бирюков).

Особенное внимание Сессия уделила П.К. Анохину и И.С. Бериташвили – «Если ...учесть то обстоятельство, что противники учения Павлова из числа реакционных ученых США и других стран в этом отношении действуют гораздо более энергично и только за последние годы опубликовали ряд объемистых работ (например, работы Маркиса и Хильгарда, Массермана, Конорского, Клейтмана и др.) и что, как об этом здесь говорилось, к стыду нашему, в среде наших ученых появились и довольно активно

действуют некоторые подпевалы этим буржуазным ученым (И.С. Бериташвили, П.К. Анохин и др.) (шум в зале), то совершенно очевидно, что дальнейшее наше отставание в этой области будет граничить с преступлением перед отечественной наукой, перед памятью великого учителя.

Кстати, несколько слов об Анохине специально, хотя это и отклоняет меня в сторону от темы.

Когда с отдельными антипавловскими недомыслиями выступают в нашей печати Штерн, Ефимов, Бернштейн и подобные им

лица, не знающие ни буквы, ни духа учения Павлова, это не так досадно, как смешно. Когда с антипавловскими концепциями выступает такой знающий и опытный физиолог как И.С. Бериташвили, который не является Учеником и последователем Павлова, то это уже досадно. Но когда ученик Павлова Анохин под маской верности своему учителю систематически и неотступно стремится ревизовать его учение с гнилых позиций лженаучных идеалистических «теорий» реакционных буржуазных ученых, — то это по меньшей мере возмутительно» (Э.А. Асратян).

И после такой критики И.С. Бериташвили, академику АН СССР с 1939 года, будет в 1964 году присвоено звание Героя социалистического труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот» за выдающиеся заслуги в развитии отечественной физиологической науки.

П.К. Анохин в 1996 году станет академиком АН СССР, а в 1968 году будет награжден Золотой медалью им. И.П. Павлова за серию работ по физиологии центральной нервной системы, разработку нового направления современной

нейрофизиологии — системного подхода в изучении функциональной организации мозга.

Н.А. Бернштейн тогда представлял несколько направлений в науках о человеке — биомеханику, физиологию, психологию и кибернетику. Незадолго до Павловской сессии его монография «О построении движений», вышедшая в 1947 году, была удостоена сталинской премии. В 1997 году о нем напишут: «Н.А. Бернштейн стал яркой звездой не только отечественной, но и мировой психологической науки» (В.П. Зинченко в книге «Биомеханика и

физиология движений» Н.А. Бернштейн. М. – Воронеж, 1997).

Но все это будет потом, а в 1950 году разве можно относиться терпимо «к антипавловской деятельности воинствующего метафизика академика Бериташвили, блокировавшегося с американскими и английскими физиологами-идеалистами – такими как Лиддл и Шеррингтон...

Большим недостатком является и то обстоятельство, что борьба против извращений павловского нервизма если и ведется, то недостаточно глубоко. Эта борьба не должна

ограничиваться критикой явных извращений учения Павлова. Она должна состоять в глубоком раскрытии и выкорчевывании метафизических корней этих извращений, связывающих извратителей с реакционной идеологией буржуазной науки. Ярким примером является неразрывная связь между антипавловскими установками академика Бериташвили и теми общефизиологическими взглядами, которые он распространяет на протяжении многих лет в своих докладах, статьях, монографиях и учебных руководствах под видом

диалектико-материалистической
переработки физиологии...

Стремясь освоить философию
марксизма-ленинизма, академик
Бериташвили не сумел, однако,
освободиться от метафизического
мышления и подменил эту
философию собственной догмой,
которую он искусственно навязывает
природе, изобретая для фиктивного
обоснования этой догмы множество
фантастических гипотез,
преподносимых под названием
«законов» и «теорий» («основной
биологический закон», «закон
возбуждения», «теория
нейропильного торможения», «закон

сопряженной иррадиации возбуждения», «теория спонтанной деятельности коры больших полушарий» и т.д.)» (А.А. Зубков).

«В нашей литературе уже дана критика учения И.С. Бериташвили. Он отвергает идею зависимости поведения организмов от внешних условий, идею о том, что высшая нервная деятельность складывается на основе рефлекторной деятельности. Он отступает от материалистического направления нашей русской физиологии.

...мировоззрение И.С. Бериташвили приводит его к отходу

от материалистического понимания работы головного мозга. Не случайно И.С. Бериташвили, будучи учеником Н.Е. Введенского, еще в молодости отошел, от Введенского; не случайно он сейчас говорит об «ошибках» И.М. Сеченова, И.П. Павлова в их учении о поведении животного и человека. Это есть проявление в физиологии борьбы двух различных направлений – материализма и идеализма» (В.С. Русинов).

«Отступив от материализма, от мировоззрения, которым руководствовался Павлов, некоторые его ученики, в частности, академики Орбели, Бериташвили, проф. Анохин,

отошли от павловского знамени и, вместо того чтобы увеличивать власть человека над организмом, во многом перестали подвигаться вперед в изучении организма. Надо сказать, что люди, отходящие от материалистического мировоззрения, не могли оставаться на павловском пути, работать под павловским знаменем» (Г.Ф. Александров).

«Начиная уже с первых работ своих, напечатанных после смерти И.П. Павлова, проф. Анохин ставит своей главной задачей пересмотр и «исправление» основных понятий павловского учения. Так, он заявляет о необходимости заново

пересмотреть «недостаточно аргументированное», по его мнению, понятие условного рефлекса.

Вместо того, чтобы всемерно расширять и углублять исследования И.П. Павлова в области явлений нервного анализа и синтеза, к которому Павлов, как известно, относил и образование условного рефлекса, проф. Анохин, предпочитая шеррингтоновское понятие интеграции, заявляет, что центральным пунктом, определяющим его взгляды на все процессы высшей нервной деятельности, является выдвинутое им понятие об интегральном

характере безусловных и условных реакций животного...

Уже начиная с первых месяцев после смерти И.П. Павлова, проф. Анохин подверг радикальному пересмотру павловское понятие внутреннего торможения и, даже шире, вообще коркового торможения, причем не только подверг пересмотру, но и полностью отверг...

Но пересматривая, переделывая или отвергая ряд основных понятий павловского учения, пытаюсь дать экспериментальным фактам, объясненным Павловым, свое

собственное, якобы лучшее объяснение, проф. Анохин не содействует этим дальнейшему развитию идей И.П. Павлова и в конце концов приходит к выводам, которые явно умаляют значение павловского учения, ограничивают его возможности и являются несовместимыми с основными физиологическими установками И.М. Сеченова и И.П. Павлова...

Установки проф. Анохина идут в разрез со всеми экспериментальными исследованиями лобных долей, вышедшими из школы И.П. Павлова. По существу, такого рода установки

не продолжают и не развивают
далее эти исследования, а
зачеркивают их...

Таким образом, проф. Анохин
окончательно сходит с павловского
пути строго объективного
исследования корковой динамики,
что, впрочем, не является
неожиданным, если вспомнить весь
ранее им пройденный путь, – путь
необоснованного пересмотра и
переделки на свой лад основных
понятий павловской физиологии
высшей нервной деятельности или
даже прямого отказа от этих
понятий. Нет сомнения в том, что
такой путь не был и не будет

полезным для патофизиологии высших отделов нервной системы» (А.Г. Иванов-Смоленский).

И так далее и тому подобное...

И тут настало время вспомнить об этике. Академики и профессора, которые в критических докладах вешали ярлыки на своих научных оппонентов, были совсем не маленькими детьми и прекрасно отдавали себе отчет, что в то время обвинения в идеализме, космополитизме, преклонении перед западом могли обернуться физическим уничтожением, заключением в тюрьму, лагерь,

отстранением от работы и лишением званий. Если знали об этом и обвиняли, значит, были подлецами. Если не догадывались о последствиях, — значит, были кретинами. Вы думаете, есть третий вариант?

Те, кого обвиняли, то же выступили на Сессии. Не все. Л.С. Штерн была в тюрьме. Н.А. Бернштейн смог ответить на предъявленные обвинения только в 1966 г статьей «назревшие проблемы регуляции двигательных актов» (Вопросы психологии, 1957, № 6).

И.С. Бериташвили на сессии не присутствовал «...так как еще не оправился после травмы позвоночника... Но он передал текст своего предполагаемого выступления. Это было блестяще написанное изложение его концепции о высшей нервной деятельности с разбором критики, которая в его адрес развернулась еще до сессии. Материалы сессии должны были быть сразу опубликованы, и от президента АН СССР С.И. Вавилова пришла телеграмма, в которой он настоятельно рекомендовал ИС. Бериташвили не публиковаться в

материалах сессии. Все вокруг убеждали его последовать совету и даже просьбе президента АН СССР, говорили о возможных последствиях. После длительного размышления Иван Соломонович послал телеграмму, в которой настаивал на опубликовании, и материал был полностью помещен в разделе «Несостоявшиеся выступления» (А.И. Ройтбак «В потоке воспоминаний...» в сб. Воспоминания об И.С. Бериташвили. М., Наука, 1991). С очень смелым докладом на Сессии выступил Н.Н. Дзидзишвили ученик И.С. Бериташвили. И доклад ученика, и

письменный доклад учителя были чистейшей воды донкихотством.

Л.А. Орбели (Л.А. Орбели (1882–1958) – академик АН СССР (1935) и АМН СССР(1944), заслуженный деятель науки РСФСР (1934); лауреат премий им. И.П. Павлова (1937) и Сталинской (1941); Герой Социалистического Труда (1945). С 1939 по 1950 годы создал и возглавил Институт эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова на базе Биологической станции в Колтушах и Отдела эволюционной и специальной физиологии ЛФ ВИЭМа. В 1943–

1950 годах Орбели был начальником ВМА, вице-президентом АН СССР (1942–1946) и руководителем Отделения биологических наук АН СССР) выступил дважды. Как видно из первого выступления, он еще не понял что происходит, вероятно, он и не мог представить себе, что так может быть: «Критика направлена в адрес нескольких определенных лиц. И вот я, к сожалению, должен сделать упрек самой организации этой сессии. Дело в том, что если намечены определенные лица, которые должны подвергнуться более или менее строгой критике, то в случае свободной научной дискуссии

чрезвычайно важно было бы
ознакомить этих лиц с тем, в чем их
собираются обвинять и критиковать.
Даже когда речь идет о
преступниках, то им дают прочесть
обвинительный акт для того, чтобы
они могли защищаться или высказать
что-нибудь в свою защиту. В данном
случае этого не было сделано, и мы —
несколько подсудимых — оказались в
трудном положении, потому что нам
зачитывали здесь заранее
написанные выступления, в которых
имелись известные обвинения,
приводились известные цитаты,
ссылки, безоговорочно
докладываются эти ссылки без того,

чтобы мы имели возможность проверить — до конца ли читаются те или иные выдержки, в каком контексте они сказаны. Но это мелочь, на которой не стоит останавливаться». К концу своего доклада он еще ерничал: «Я должен признать еще одну свою, может быть, самую большую вину, что, получив под руководство научное наследие Павлова, я постеснялся беспокоить руководителей нашей жизни и нашей научной мысли своими обращениями. Я поступил бы более правильно, если бы, получив такое ответственное дело в свои руки, я сразу же пошел к нашим

руководителям и получил от них указания относительно того, как правильно строить разработку научного наследия Павлова». К последнему дню Сессии Л.А. Орбели понял с чем он имеет дело, и поступил единственно правильно в той ситуации — признал все инкриминируемые ему грехи.

Интеллигентно издевался над участниками Сессии П.К. Анохин. Свой доклад он начал так: «Я коснусь не только тех вопросов из моих литературных выражений, которые здесь были затронуты в прениях, но также и тех, которые не были затронуты, но о которых я

считаю нужным сообщить на этой сессии». И дальше, например: «... Эта моя ошибка является поучительной ошибкой, она заставляет меня, ученика Павлова, сказать, что мы должны проявлять больше идейно-политической остроты в наших выражениях и в наших оценках того, что выходит из лабораторий наших классиков.

Второй вопрос – оценка творчества И.П. Павлова с точки зрения соотношения в нем анализа и синтеза. В своей статье 1936 г., которая была прямо посвящена этому вопросу, я допустил много ошибочных выражений, неправильно

представляя отдельные категории мышления в творчестве Павлова. Я подчеркивал аналитические подходы или, как я выражался, «подчеркнутый аналитизм» в творчестве И.П. Павлова в первый период развития учения о высшей нервной деятельности. Как показали потом мои личные исследования, критические замечания моих товарищей еще в довоенное время, в частности Палатника, — эти утверждения были абсолютно неверны. Эта ошибка имеет философский характер. Переоценка анализа в творчестве Павлова, это значит — недооценка того

синтетического, того грандиозного, что я сам и другие считаем наиболее важным в его руководящих научных идеях.

Этот пример также показывает, что, взявшись за философскую оценку творчества И.П. Павлова и его научного мировоззрения, надо было проявить большую идейно-политическую остроту, ибо только в этом случае возможно вскрытие истинных пружин деятельности такого великого ученого, каким является мой учитель И.П. Павлов...

Третья ошибка, которую я хотел бы также подчеркнуть, это

переоценка достижений зарубежной неврологии и зарубежной физиологии. В самом деле, если вы объективно переоцениваете зарубежные достижения, если вы увлекательно рассказываете о их значении, вы неизбежно умаляете значение Павлова, и, следовательно, увлечение и переоценка зарубежных авторов имеет обязательно обратную сторону – недооценку учения Павлова».

В конце концов Сессия постановила Постановление:

«Постановление научной сессии Академии наук СССР и Академии

медицинский наук СССР,
посвященной проблемам
физиологического учения академика
И.П. Павлова.

...Разработка научного наследия
Павлова во многих отношениях не
шла по столбовой дорожке развития
его идей.

Развитие идей И.П. Павлова и
внедрение его учения в медицину и
биологию встретило ожесточенное
сопротивление со стороны
проповедников различных
метафизических, лженаучных
концепций – Штерн и ее «школки»,
отражающих влияние носителей

реакционной науки капиталистических стран, нанесших вред нашей науке. Необходимо отметить также борьбу против павловского учения академика И.С. Бериташвили и некоторых других идеалистически настроенных физиологов и психологов, а также психиатров и невропатологов.

Академик И.С. Бериташвили с давних пор ведет непрерывную борьбу против идейных основ учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности, не встречая должного отпора со стороны большинства представителей советской физиологии. Не случайно

антипавловская деятельность
академика И.С. Бериташвили
поддерживается представителями
реакционной науки...

Некоторые научные работники в
ряде ведущих учреждений, на
которых было возложено развитие
учения И.П. Павлова, не только не
возглавили борьбу с лженаучными,
антипавловскими течениями, но и
сами в ряде коренных вопросов
отошли от дела развития идей И.П.
Павлова и подвергли ревизии многие
важнейшие его положения.

В ходе сессии было с полной
ясностью установлено, что академик

Л.А. Орбели и группа его ближайших учеников (профессоры А.Г. Гинецинский, А.В. Лебединский, А.М. Алексанян и др.) пошли по неправильному пути, сбивали исследователей и нанесли ущерб развитию учения И.П. Павлова. Свободная дискуссия, проведенная на сессии, вскрыла всю ошибочность позиции академика Л.А. Орбели, который в ряде случаев подменял взгляды И.П. Павлова своими ошибочными высказываниями...

Сессия отмечает, что академик Л.А. Орбели, будучи руководителем основных павловских институтов — Физиологического института имени

И.П. Павлова Академии Наук СССР, Института эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова Академии медицинских наук СССР, увел научные коллективы этих учреждений в сторону от разработки основных задач павловского научного наследия и, прикрываясь формальным признанием павловского учения, на деле извратил ряд важнейших его положений...

В работах по физиологии органов чувств Л.А. Орбели игнорировал учение И.П. Павлова об анализаторах. В высказываниях

академика Л.А. Орбели и некоторых его сотрудников по существу отстаивалась позиция психо-физического параллелизма.

Совершенно

неудовлетворительно шло изучение генетики высшей нервной деятельности. Формально-генетические установки академика. Л.А. Орбели привели к тому, что эта проблема разрабатывалась в отрыве от принципов мичуринской биологии...

Профессор П.К. Анохин не двигал вперед павловское учение и на протяжении многих лет

занимался ревизией идейных основ материалистического учения И.П. Павлова о высшей нервной деятельности, принижая его значение.

П.К. Анохин, прикрываясь именем И.П. Павлова, характеризовал его научный метод, его учение о высшей нервной деятельности, а так же и всю нашу отечественную физиологию, как аналитические и односторонние, что фактически совпало с выступлениями зарубежных «критиков» И.П. Павлова...

Слабое проникновение идей И.П. Павлова как в медицину, так и в психологию, педагогику, в дело физического воспитания, ветеринарию и животноводство обуславливается тем, что учение И.П. Павлова не нашло ведущего места в программах и учебниках вузов...

В целях дальнейшего развития учения И.П. Павлова и укрепления связи его с практикой сессия постановляет:

1. Поручить Президиуму Академии Наук СССР и Президиуму Академии медицинских наук СССР в кратчайший срок разработать

необходимые организационные и научные мероприятия по дальнейшему развитию теоретических основ и внедрению учения И.П. Павлова в практику медицины, педагогики, физического воспитания и животноводства.

2. Поручить Президиуму Академии Наук СССР и Президиуму Академии медицинских наук СССР, а также просить министерства высшего образования и здравоохранения СССР пересмотреть план научной работы на текущий год и перспективный план научной работы по физиологии и медицинским дисциплинам

(внутренние болезни, гигиена, психиатрия, невропатология и др.). В основу этих планов необходимо положить широкое развертывание исследований, развивающих идеи и направления И.П. Павлова, обратив особое внимание:

а) на исследования по физиологии и патологии высшей нервной деятельности животных и человека;

б) на изучение второй сигнальной системы в ее взаимодействии с первой сигнальной системой;

в) на изучение трофической функции нервной системы;

г) на исследования функциональных взаимоотношений коры мозга и внутренних органов;

д) на развитие исследований по экспериментальной генетике высшей нервной деятельности;

е) на развитие работ по физиологии пищеварения, кровообращения и дыхания;

ж) на развитие научных идей И.П. Павлова в области общей патологической физиологии и, в

частности, на изучение роли коры головного мозга в восстановлении нарушенных функций организма;

3) на экспериментальное изучение важнейших проблем клинической и профилактической медицины и разработку новых методов лечения, опирающихся на учение И.П. Павлова;

и) на исследования по физиологии и экологии сельскохозяйственных животных.

3. Считать необходимым осуществление следующих мероприятий по линии подготовки

кадров в системе Министерства высшего образования СССР и Министерства здравоохранения СССР:

а) пересмотреть программы по физиологии для университетов, педагогических и ветеринарных вузов и сельскохозяйственных вузов, а также программы основных медицинских дисциплин, перестроив соответствующие курсы на основе павловской физиологии;

б) ввести преподавание специального курса основ физиологии (а также патологии) высшей нервной деятельности в

университетах, медвузах, педвузах на старших курсах, а также и в институтах усовершенствования врачей, как обязательный предмет;

в) создать путем объявления конкурса в ближайшие два года новые учебники по физиологии и патологической физиологии для университетов, медвузов, педвузов, сельскохозяйственных вузов и институтов физической культуры, составленные на основе идей И.П. Павлова и достижений отечественной физиологии;

г) в целях внедрения павловского метода преподавания широко

обеспечить преподавание курса физиологии лекционными опытами и практическими занятиями и восстановить должность лекционного ассистента;

д) включить в программу подготовки аспирантов по медицинским специальностям обязательный курс физиологии.

4. Поручить Академии Наук СССР и Академии медицинских наук СССР:

а) ввести в практику созыв ежегодных научных совещаний, посвященных деловому и

критическому обсуждению конкретных проблем павловской физиологии и в особенности проблем физиологии и патологии высшей нервной деятельности;

б) усилить подготовку научных кадров по физиологии и патологии высшей нервной деятельности через аспирантуру и докторантуру;

в) возбудить ходатайство о создании нового специального научного журнала, посвященного проблемам высшей нервной деятельности.

5. На страницах периодических изданий, находящихся в ведении Академии Наук СССР, Академии медицинских наук и министерств высшего образования и здравоохранения, развернуть широкое обсуждение основных проблем павловского учения.

Сессия призывает всех работников в области физиологии и медицины на основе свободной научной критики и самокритики творчески развивать великое учение Павлова на благо народа».

«Вот и все. Гора родила мышь. Однако эта мышь была готова

перегрызть горло советской, русской медицинской науке, чем она и занялась» — напишет о постановлении Ю.Я. Грицман. И это будет правдой.

После Сессии были уволены со своих постов Л.А. Орбели, И.С. Бериташвили, П.К. Анохин. По сути дела им было запрещено заниматься Большой наукой. Н.А. Бернштейн был отстранен от экспериментальной работы, а на его научные труды наложили запрет. К.Э. Фабри был вынужден работать в библиотеке и только в 1964 году получил возможность официально заниматься зоопсихологией. Помимо

названных еще сотни научных сотрудников занимающихся психологией, медициной, физиологией были уволены, а их научные направления закрыты. «Спасались только те, кто мог доказать свою преданность учению И.П. Павлова и своевременно покаяться. Тогда приговор мог быть смягчен» (Грицман Ю.Я. Медицинские мифы XX века. М., Знание, 1993).

Были переделаны учебные программы школ и вузов, переписаны учебники, – из них изгонялось все то, что не укладывалось в прокрустово ложе ВНД. Они существуют до сих

пор. Поэтому, с одной стороны до широкого читателя, как впрочем, и для широкого писателя книг по дрессировке, не доводили, да и не позволяли доводить информацию о последних достижениях отечественной и зарубежной науки. А, с другой стороны, они, — и читатели и писатели, как то и сами не очень стремились усложнять себе жизнь. С рефлексом проще!

Кажется последней ласточкой ортодоксального, если не сказать примитивного, изложения ВНД стал учебник А.Б. Когана «Основы физиологии высшей нервной деятельности» (М., Высшая школа,

1988). Хотя само учение о ВНД изменилась значительно, о чем свидетельствуют работы П.В. Симонова и его школы.

Что касается дрессировки, то учение о классическом условном рефлексе в качестве ее теоретической основы, впервые использовал В.В. Языков (В.В. Языков – 1895–1941, – автор первых книг по дрессировке в СССР: «Военная собака» (Госиздат, 1927), «Курс дрессировки служебных собак» (Госиздат, 1928), «Основы дрессировки служебных собак» (Госиздат 1930), «Теория и техника дрессировки служебных собак»

(Воениздат, 1932) В 1938 г. был репрессирован и погиб в лагере на Колыме в 1941 г). И тогда это было революционно и прогрессивно. Когда в 1957 году, переписывая Языкова, говорят, что «Теоретические основы дрессировки базируются на учении великого русского физиолога И.П. Павлова о высшей нервной деятельности. ... Только исследования Павлова, его учеников и последователей позволили дать единственно правильное — материалистическое объяснение поведения собаки и других животных. ... Только исходя из основного положения

мичуринской биологической науки о том, что организм и необходимые для его жизни условия представляют единство, можно правильно понять поведение животных» (Бочаров В., Орлов А. Дрессировка служебных собак. М., ДОСААФ, 1957), это еще ладно. Но когда о том же и так же пишут в книгах и руководствах 21 века, становится, как минимум, скучно!